

DOI 10.35775/PSI.2025.126.9.004

УДК 93/94

О.В. ЯГУДИНА

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории Оренбургского
государственного университета,
Россия, г. Оренбург

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЦЕРКОВНОГО РАСКОЛА В УРАЛЬСКОМ КАЗАЧЬЕМ ВОЙСКЕ И ЕГО ОСОБЕННОСТЯХ

Автор статьи рассматривает процесс зарождения идей церковного раскола среди яицких казаков. Отмечается, что само старообрядчество в казацкой среде появилось с момента их заселения на Урале. Идеи старой веры среди них распространяли беглые люди и донские казаки. Автор определяет, что распространение раскола шло волнообразно в тесной взаимосвязи с социально-экономическими и политическими событиями внутри страны.

В статье приводятся основные причины появления и укрепления раскола в казацкой среде: отдаленность территории войска от центра, скопление беглого люда, «особое» отношение местных властей к религиозным взглядам уральского казачества и прочее. Автор также выделяет особенности старообрядчества как социально-культурного явления в казацкой среде, его отличия от раскола в других войсках.

Ключевые слова: церковный раскол, уральское казачество, старообрядчество, староверы, Урал, Яик, яицкие казаки.

История церковного раскола имеет важное значение для изучения социально-культурного развития нашей страны, так как данное общественно-религиозное движение оставило глубокий след в русской истории. Его особенностью стала противоречивость, которая выражалась в сочетании прогрессивности в экономической сфере и консервативности в быту, в отношении к миру. С одной стороны, представители старообрядчества были социальны активны и более экономически успешными, чем представители официального православия. С другой стороны, отличительной особенностью староверия как идеологии, системы взглядов, была закрытость и консервативность, что способствовало сохранению русского быта и прикладного искусства Московской Руси. Данное обстоятельство дает основание для сравнения русских старообрядцев с европейскими протестантами.

Явление, зародившееся в XVII в., приняло огромные масштабы и разные формы социального протеста. Определить точное количество старообрядцев по всей России не представлялось возможным, так как правительственные гонения приводили к тому, что раскол принимал тайный характер. Именно этим

и объясняется большое скопление староверов на окраинах государства. Так, к примеру, исследователь старообрядчества П.И. Мельников отмечал, что к расколу себя относили примерно около трети всего великорусского населения [6. С. 306]. Распространение получило как среди низших слоев населения Русского государства, так и высших. Только если среди знати наблюдалась приверженность к поповским направлениям, которые были настроены более компромиссно к властям, то среди низших слоев наибольшее распространение получали беспоповские толки.

Значительное распространение раскол получил среди казаков. Особенно в этом ряду выделяются такие войска как Уральское, Терское и Донское. На территории Уральского казачьего войска по официальным данным в 1900 г. проживало 50,1% от всего войскового населения [16. С. 5].

Необходимо отметить, что казачество на рассматриваемой нами территории, стало ядром первого населения и появилось здесь с начала освоения уральских земель. Казаки селились на Яике с разрешения правительства и должны были быть «стражами» границ. Первые раскольники, по мнению оренбургских краеведов, появились сразу же после реформ патриарха Никона и начала гонений на раскол. Но так как старообрядчество – это не столько религиозное движение, как социальное, то причинами появления раскольников на Урале стали социальные и внутрисполитические изменения в Русском государстве, которые существенно ухудшили положение разных слоев общества. А вот дальнейшее его распространение связано со многими отличительными особенностями данного края. Большинство историков сходятся во мнении, что переселение в данный регион обусловлено установлением крепостного права и последующего его усиления. Данное обстоятельство спровоцировало массовую миграцию крестьян в отдаленные уголки государства. Бежали также и городские жители в связи с усилением налогового гнета.

Все это способствовало процессу «внутренней колонизации, с освоением окраинных земель, с ростом городов, с первыми этапами складывания в промыслах новых капиталистических отношений» [8. С. 267]. Но старообрядческий Урал славился по всей России. Для староверов России он стал «Новым Иерусалимом» [12. С. 197-198].

Историков интересует не только время появления раскола в среде яицкого казачества, но и возникает вопрос откуда была принесена старая вера. Так исследователь С.А. Зеньковский считал, что староверие пришло на Урал с берегов Волги и нашло свое признание «в сердцах и душах местных казаков...» [6. С. 423]. Другие исследователи считают, что религиозные взгляды уральцев формировались под влиянием донского казачества в большей степени, а в более позднее время под влиянием московских стрельцов. Обе эти группы отличались «набожностью и крепкою привязанностью к церковным обрядам» [13. С. 14-26].

Со временем раскол не только не ослабевал в Уральском войске, а наоборот усиливался. Чиновники неоднократно подчеркивали в своих отчетах данный факт. Об этом писал и уральский наказной атаман А.Д. Столыпин, ярый борец

с расколом в войске. Он проводил сравнение религиозных взглядов уральских казаков со современными ему славянофилами [6. С. 423].

Приверженность расколу для уральских казаков была не просто принадлежностью к какой-либо вере или Церкви, а представляла собой своеобразное религиозное братство. Общественная жизнь, быт, культура и традиции были тесно связаны с религиозными представлениями. Их повседневная жизнь была устроена на религиозных началах, поэтому они крепко оберегали свободу и неприкосновенность своей веры [17. С. 99]. Это являлось исключительным отличием уральских казаков-старообрядцев от казаков других войск. По мнению известного исследователя уральского казачества И.И. Железнова, такая преданность была «единственным явлением во всей России» [5. С. 307]. Вмешательство в религиозные дела воспринималось как ограничение воли казака, как нарушение традиционного быта, сложившегося в течение длительного времени.

Новая раскольническая волна на Урале отмечается на рубеже XVIII – XIX вв. Именно в это время открыли залежи руды на Урале, появились горные заводы, как частные, так и государственные. Для привлечения рабочей силы на Урал правительство разрешает селиться здесь «людям всякого звания без различия вероисповеданий» [3. Л. 62]. Данные меры способствовали ускорению процесса заселения края, но и привели к притоку раскольников на Урал. Переезд выглядел для них привлекательным с одной стороны, так как распространялись слухи о высоких заработках, а с другой стороны Урал представлялся для старообрядцев надежным убежищем от правительственных гонений.

Население Уральской области резко отличалось «от великорусского народонаселения центральных губерний Европейской России складом и направлением своей общественной и церковно-религиозной жизни» [13. С. 14-26]. Н.И. Костомаров подчеркивал, что казачество – это та категория, которая состояла из «людей, недовольных государственным строем», но это люди, которые связаны общей верой с тем обществом, из которого они вышли. То есть, находясь вдалеке от изначального места проживания, они не потеряли эту глубокую связь со своим народом. Даже близкое соседство с иноверцами не оказало сильного влияния на религиозное мировоззрение уральских казаков, не привело к отказу от своих религиозных убеждений. Старая вера тщательно оберегалась от влияния извне, от мира, который считался миром Антихриста.

Уральские казаки принимали у себя беглых старообрядцев различных согласий и толков, которые здесь находили приют и некоторую свободу в проведении богослужений. Оказать поддержку гонимому за веру для уральского казака считалось особым религиозным подвигом. Данное утверждение находит в высказываниях В.Н. Витевского: «В то время как в других казачьих общинах требовалось, чтобы вступающий в них был христианин и давал обет без пощады убивать басурман, яицкие казаки не пренебрегали ни кем и отличались некоторой веротерпимостью» [1. С. 221]. Кроме того, в период «бироновщины» увеличилось количество беглых на Яике, среди которых было немало и православных священников. Они готовы были принять старую веру, лишь бы «не подвергнуться»

поруганию, избежать солдатчины, плетей и каторги» [2. С. 12]. На Яике их принимали с почестями, они имели хорошее содержание. Такая позиция уральских казаков по отношению к беглым неминуемо приводила к розыскам и преследованию за укрывательство со стороны правительства [18. С. 318].

Относительная глушь и отдаленность привлекали на данную территорию массу беглецов. Уральские казаки, «крепчайшие раскольники сколько по общей с другими привязанностями к мнимой старине церковных религиозных предметов, столько же постоянно склонные к расколу и твердые в нем по уверенности сохранить свой status quo» [12. С. 197-198], более двухсот лет оставались большей частью при тех формах раскола, какие сложились в XVII в.

Наибольшее распространение староверие имело на севере Уральского войска, что объясняется географическими особенностями – гористая местность становилась хорошим укрытием для беглых попов и раскольников. К примеру, жителей данной местности часто привлекали к суду по таким преступлениям как пристанодержательство, чего практически не наблюдалось в южной части войска [15. С. 336].

Раскол на территории Уральского войска поддерживался не только изнутри, но и внешними силами. Казаки-старообрядцы имели тесные контакты как со своими ближайшими соседями, староверами, проживающими в большом количестве на территории Уфимской епархии (в особенности крепкой была община старообрядцев-поморцев в г. Златоусте, поддерживающая связь с челябинскими староверами), так и непосредственно с московскими старообрядцами, посылая своих представителей на конференции [7. С. 152].

Для православной миссии территория Уральского войска была крайне сложной. Препятствия могли чинить сами местные власти, так как среди них тоже были сторонники раскола. Трудности заключались еще в том, что в одной станице могли проживать раскольники оппозиционных друг другу толков. К примеру, в Кинделинском приходе среди 300 раскольников было распространено 7 толков: поморцы, федосеевцы, никудышники, дырники, беглопоповцы, австрийцы и беловодцы [14. С. 860]. Часть перечисленных толков не принималось и старообрядческим обществом, так как по своей идеологии были ближе к сектантству. Такая разношерстность требовала дифференцированного подхода, что и осложняло работу миссионеров.

Одной из причин сильного влияния раскола на мировоззрение казаков связывают с низким уровнем образования, в особенности богословского, церковного. Привязанность к старой вере сделала «религиозные понятия Уральцев грубыми, затмив природный ум их множеством нелепых понятий и обрядов» [13. С. 14-26]. Долгое время местные власти сами потакали религиозной свободе в Уральском войске, боясь возмущений среди войскового населения. Результатом такого отношения стала убежденность казаков-раскольников в непогрешимости своего дела, а впоследствии и формирование своей автономной религиозной иерархии. Любой старообрядец, преследуемый правительством, воспринимался как мученик за веру [4. Л. 94 об.]. Старообрядчество являлось оплотом борьбы с Москвой,

отстаиванием своих вечевых традиций. Необходимо также отметить, что религиозная идея помогала казакам сохранять братство и дисциплину. «Насадители раскола сумели однажды и навсегда внушить казаку неразрывность существующих положений гражданских в войске с предметами церковными» [12. С. 197-198]. Приверженность старым обрядам предопределила существенные местные особенности в культуре и быте яицких казаков.

Для чиновников раскол на казачьей территории представлялся «опасной язвой», которая было трудно искоренить. Главной причиной данной ситуации они считали малочисленность православных храмов на территории войска. Данное утверждение находит свое подтверждение и в работах профессора П.С. Палласа, который посетил Яицкий городок в июле 1769 г. Во время своей поездки он насчитал всего 3 церкви: «одну деревянную и две каменные» [9. С. 47], при чем две последние находились только в стадии строительства. Путешественник отмечает, что казаки вообще редко посещают храмы, так по большей части их молитвенные собрания проводятся в домашних условиях или в так называемых молитвенных домах. В праздничные же дни в церковь они не заходят, а молятся стоя на коленях на улице возле церкви [9. С. 47]. Согласно данным, приведенным А.Д. Рябининым к середине XIX в. ситуация не сильно изменилась, в войске насчитывалось всего 2 православных храма против 24 единоверческих, среди которых 3 принадлежат старообрядцам [15. С. 281]. Он отмечает одну существенную особенность, которая возможно расходится с тем мнением, которое представлено в отчетах православных священников и миссионеров. Так, к примеру, А.Д. Рябинин писал, что не увидел среди уральцев религиозной ненависти, которая характерна для всего раскола и сектантства [15. С. 281]. Эту же мысль мы находим и в работах В.Н. Витевского.

Если в других регионах России правительству удавалось смягчить раскол, то его искоренение на территории Уральского войска стало сложной задачей. Несмотря на то, что существовали поселения, где старообрядцы были в меньшинстве, процесса смешения не происходило. А уж тем более в станицах, где проживало абсолютное большинство казаков-старообрядцев. Но тот же самый В.Н. Витевский обращает свое внимание, что, находясь в походах уральский казак забывает о своем религиозном упрямстве, а по возвращению домой подвергается «исправлению» со стороны своих жен [2. С. 3]. Надо сказать, что женщина в раскольнической общине казаков играет весьма значимую роль. Они имели церковное образование и хорошо знали религиозные тексты. Так, если казак, поскитавшись по свету, вдруг возвращается с вольнодумными мыслями, то это ненадолго. Под опекой своей жены он быстро возвращается к старой вере [15. С. 370].

Местные священники также отмечали, что полного разрыва с официальной церковью у казаков не было, они продолжают поддерживать «духовную связь с казанскими епископами, называя их своими архипастырями и посылая к ним для посвящения своих ставленников во священство» [13. С. 145-155].

Крепость расколу придавала и «не умеренная ревность казачьего епархиального начальства», которая вызывала «недоверие и вражду...» у казаков. В этом отношении показателен случай, произошедший в конце 50-х гг. XIX в., когда возникло движение в пользу присоединения к единоверию, и было получено разрешение на постройку в Уральске Никольской церкви. При этом староверы выдвинули такие условия «на кои только с трудом и не без нарушения пределов власти духовного начальства, могло быть дано согласие...». Хотя за всем этим, как считает автор рапорта, стоит «незначительное... обстоятельство – присылка для новой церкви священного мира с православным священником – возбудило в новообращенных столь глубокое чувство недоверия к намерениям епархиального начальства, что прихожане той церкви прервали всякое духовное общение со всеми существующими церквями...» [4. ЛЛ. 88-88 об.]. В связи с этим у последующих военных губернаторов Уральской области формируется точка зрения о том, что «... преследование... уральских раскольников, по особенностям местных условий края, было бы бесполезно и даже вредно: ввиду сплошного раскольнического населения обычное преследование раскола было бы лишь бесплодной репрессией, свидетельствующая об отсутствии просвещенной терпимости». Поэтому было предложено «оградить уральцев особыми правилами, как для пользы самого края, так и для избежания разногласий посему предмету между светской и духовной властью» [4. ЛЛ. 88-88 об.].

Как упоминалось выше, зачастую раскол поддерживался и местными войсковыми властями. В частности, во время акций Л. Конашевича был отлучен от церкви атаман Илецкого городка Серебряков, отказавшийся принять нововведения [11. С. 530]. Атаман Д. Донсков, происходивший из ссыльных донских казаков и пользовавшийся расположением Оренбургского губернатора О.А. Игельстрома, устроил в 1870 г. Успенскую раскольническую часовню. Атаман Д.М. Бородин принимал самое деятельное участие в судьбе инокинь Садовского женского скита, переселяя их на новое, более безопасное от наводнения место [10. С. 86-87].

Подводя итог, отметим, что территория проживания уральского казачества стала своеобразным регионом с особым культурным кодом, где староверие было одним из главных ее элементов. Исторические условия формирования войска, окружающая среда, некорректные правительственные действия по борьбе с расколом оказали значительное влияние на появление и укоренение старой веры в данном регионе. Старообрядчество как социокультурное явление продемонстрировало свою устойчивость и долголетие в среде уральского казачества, несмотря на активные правительственные действия против раскола.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Витевский В.Н.** И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.: ист. монография: в 3 вып. Вып. 1. Казань: Типо-литография В.М. Ключникова, 1889.
2. **Витевский В.Н.** Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военногражданской власти в половине XVIII в. Казань: тип. Ун-та, 1877.
3. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 10. Оп. 8. Д. 97.
4. ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 8448.
5. **Железнов И.И.** Полное собрание сочинений. Т. 2: Уральцы: очерки быта уральских казаков / под ред. Н.А. Бородина. СПб.: Обществ. польза, 1910.
6. **Зеньковский С.А.** Русское старообрядчество. В двух томах / Сост. Г.М. Прохоров. Общ. ред. В.В. Нехотина. М.: Институт ДИ-ДИК, Квадрига, 2009.
7. История казачества Азиатской России: в 3 т. / РАН, Урал. отд-ние, Институт истории и археологии; Гл. ред. В.В. Алексеев. Вторая половина XIX – начало XX века / Редкол.: Н.А. Миненко (отв. ред.) и др. Екатеринбург: НИСО УрО РАН, 1995.
8. Русское православие: веки истории / Я.Н. Щапов, А.М. Сахаров, А.А. Зимин и др.; Науч. ред., глава авт. коллектива, авт. вступ. ст. и послесл. А.И. Клибанов. Москва: Политиздат, 1989.
9. Оренбургские епархиальные ведомости. 1 января 1878. № 2.
10. ОЕВ. 1 февраля 1878. № 3.
11. ОЕВ. 1-15 августа 1881, №№ 15, 16.
12. ОЕВ. 1 марта 1882. № 5.
13. ОЕВ. 1 января 1891. № 1.
14. ОЕВ. 15 декабря 1903. № 24.
15. **Рябинин А.Д.** Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. Уральское казачье войско», 2 ч., III+V+ 419 стр. и 108 стр. + 47 статист. табл., с картою, СПб., 1866.
16. Уральское казачье войско. Наказной атаман. Всеподданнейший отчет наказного атамана о состоянии Уральского казачьего войска за 1901 год: По гражданской части. Уральск, 1902.
17. **Чернавский Н.М.** Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем: Вып. 1-2 / исслед. Николая Чернавского. Оренбург, 1900-1902. 2 т. Вып. 1. 1900.
18. **Чернавский Н.М.** Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем: Вып. 1-2 / исслед. Николая Чернавского. Оренбург, 1900-1902. 2 т. Вып. 2. 1901-1902.

O.V. YAGUDINA

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of History,
Orenburg State University,
Orenburg, Russia

ON THE QUESTION OF THE ORIGIN OF THE CHURCH SCHISM IN THE URAL COSSACK ARMY AND ITS FEATURES

The author of the article examines the process of the emergence of the ideas of the church schism among the Yaitsky Cossacks. It is noted that the Old Believers themselves appeared among the Cossacks from the moment they settled in the Urals. The ideas of the old faith were spread among them by runaway people and Don Cossacks. The author determines that the spread of the split proceeded in waves in close relationship with socio-economic and political events within the country.

The article provides the main reasons for the appearance and strengthening of the split in the Cossack environment: the remoteness of the territory of the army from the center, the accumulation of fugitive people, the «special» attitude of local authorities to the religious views of the Ural Cossacks, and so on. The author also highlights the features of the Old Believers as a socio-cultural phenomenon in the Cossack environment, its differences from the split in other troops.

Key words: church schism, Ural Cossacks, Old Believers, Old Believers, Ural, Yaik, Yaik Cossacks.